

творчестве и жизненном пути Константина Георгиевича Паустовского написано немало, множество исследований посвящено Ивану Алексеевичу Бунину. Также нередко их имена рассматривают рядом. Современное литературоведение обращается к вопросам общности эстетического начала в творчестве писателей, содержания и поэтики их произведений, проблемам стиля, жанра, композиции, языка. Иные учёные говорят о сходстве их мировоззрения (Т. Бонами, А. Шуканов). Другие делают акцент на принадлежности Паустовского к «школе» Бунина в описаниях природы. Например, А. Ионов отмечает: *«... любовь Паустовского к природе, его поразительное умение постигать и живописать её состояния... дались ему в какой-то мере благодаря его давней любви к Бунину»*.

Но если вспомнить одно замечание Вадима Константиновича Паустовского, сына писателя, можно отметить также особое значение личности Бунина в судьбе Паустовского, которое видится даже символическим. В биографической статье «Три родины Константина Паустовского» Вадим Паустовский написал:

«У каждого крещёного человека есть свой ангел-хранитель, свой защитник на небесах. Именно такое значение обрёл Бунин для творческой судьбы Паустовского. Дважды Бунин дал ему своё «благословение», причём, как следует для писателя, — в письменном виде».

Попробуем проследить это непосредственное влияние Бунина на Паустовского, эту символическую связь.

Итак, Константин Паустовский в очерке «Иван Бунин» рассказал:

«В холодном апреле 1916 года я впервые приехал в Ефремов к родственнице — одинокой старушке».

Этой родственницей была Елена Степановна Загорская — сестра Екатерины Загорской, невесты будущего писателя. Первое впечатление Константина Паустовского о Ефремове было как о захолустном, «*унылом и облезлом*» городке. Но Ефремов преобразился в его глазах, как только он узнал, что здесь у родственников иногда гостил сам Иван Алексеевич Бунин, которым он «*ещё в гимназии начал зачитываться*».

«С той минуты, как я узнал, что здесь бывает Бунин, Ефремов сразу преобразился для меня. Теперь же он представлялся мне воплощением русского провинциального уюта.

...Тогда в Ефремове вошла в меня бунинская Россия и завладела мной надолго».

Так провинциальный Ефремов сыграл не последнюю роль в судьбе Константина Паустовского благодаря тому пронзительному чувству сопричастности, которое испытал он здесь. А утвердила это чувство однодневная поездка в Елец — город детства и юности Бунина.

Подробности своего короткого путешествия Паустовский запечатлел в дневнике. Содержание дневниковой записи в основе своей совпадает с широко известным художественным описанием поездки в очерке о Буине, созданном спустя много лет.

В Ельце Паустовский долго простоял около здания мужской гимназии, где учился Бунин, прошёл через базарную площадь, мимо храма, «*где кого-то отпевали*», напился чаю в трактире и вышел на окраину города, где на выезде в подстепье лежало кладбище. Когда-то в детстве это кладбище поразило воображение Ивана Бунина; теперь сюда, ведомый неясным чувством, пришёл Паустовский и долго бродил между старыми памятниками.

А вечером на Елецком вокзале с Константином Паустовским случилось удивительное совпадение. В газетном киоске он купил свежий номер «Русского слова», там был напечатан рассказ Бунина «Лёгкое дыхание». Паустовский так увлёкся чтением, что чуть не пропустил свой поезд. А потом, «*забившись в угол*» вагона, всю обратную дорогу до Ефремова, охваченный болью и внезапной любовью, он думал о гимназистке Оле Мещерской, погибшей на том самом вокзале, где он только что сидел, и мимо могилы которой он, должно быть, непременно проходил на старом кладбище, «*но прошёл, ничего не зная*». Паустовский перечитывал «*одни и те же слова о лёгком дыхании Оли Мещерской*», «*содрогался от несправедливости её судьбы*» и наивно успокаивал себя тем, что Оля Мещерская — это бунинский вымысел».

«Пожалуй, в эту ночь в холодном вагоне среди чёрных и серых полей России, среди шумящих от ночного ветра, ещё не распустившихся берёзовых рощ, я впервые до конца, до последней прожилки понял, что такое искусство и какова его возвышающая и вечная сила».

Этих подробностей нет в дневнике молодого Паустовского, но думается, что всё было так, как звучит это в посвящённых Бунину строках.

Интересно то, что последний приезд Бунина в Ефремов (октябрь 1917 года) и последующее пребывание его в Ельце вполне могли совпасть с поездками туда Паустовского.

С Ефремовом у Константина Паустовского связаны самые разные события жизни: простые будничные, воодушевляющие, печальные. Здесь были написаны некоторые стихи, а спустя несколько лет появился рассказ «Старик в потёртой шинели», где упоминается городок (одно из рабочих названий рассказа — «Ярмарка да яблоки»). В Ефремове Паустовский встретил Февральскую революцию: об этом свидетельствуют дневниковые записи той поры, а впечатления от её событий отразились во второй книге «Повести о жизни» (глава «Сырой февраль»).

Вскоре после поездки в Елец на Ефремовском городском кладбище была похоронена мёртворождённая девочка — первенец Екатерины и Константина Паустовских. Спустя несколько лет здесь нашла последнее пристанище Елена Степановна Загорская, та самая «родственница-старушка», у которой нередко гостили Паустовские. На этом же кладбище покоилась мать Бунина Людмила Алексеевна. Позднее Константина Паустовского потрясут строки из бунинской автобиографической повести:

«В далёкой родной земле, одинокая, навеки всем миром забытая, да покоится она в мире и да будет во веки благословенно её бесценное имя».

В промежутке между поездками в Ефремов, будучи в Москве, Паустовский узнал московский адрес Бунина и послал ему подборку своих поэтических опытов. Она состояла из шестнадцати стихотворений. Все они названы Паустовским в письме к жене от 12 февраля 1917 года. Стихи были отправлены Бунину в первую неделю февраля, об этом говорят письмо Загорской-Паустовской от 1-го и запись в дневнике от 7 февраля (документы хранятся в Московском литературном музее-центре К. Г. Паустовского).

Так мы подошли к событию, которое можно считать определяющим в творческой судьбе К. Г. Паустовского. О нём писал Вадим Паустовский в своей статье об отце, упоминал биограф Паустовского Л. А. Левицкий, о нём же рассказал сам Константин Георгиевич в «Повести о жизни»: «...Я не надеялся, что он мне ответит, но он ответил. Я получил от него открытку». «Вы живёте напетым со стороны», — написал Бунин и посоветовал начинающему литератору обратиться к прозе.

Если первая фраза фигурирует в тексте «Повести о жизни», то о рекомендации сменить поэтический путь на прозаический мы узнаём из свидетельства Вадима Паустовского:

«Именно Бунин “всё перевернул” в творческой судьбе Паустовского, который до первого “благословения” считал себя в первую очередь поэтом...»

Трудно сказать, какое именно значение вкладывал Бунин в свой отклик. Учитывая его весьма строгое и критичное отношение к литературе вообще и к молодым писателям в частности, вряд ли он видел в собственном отзыве нечто судьбоносное. Но в жизни, как мы знаем, это обернулось настоящим пророчеством. Бунинская открытка стала импульсом к творческому самоопределению Константина Паустовского. Спустя время он прославился как прозаик, но привнёс в прозу те лиричность и музыкальность, которые свойственны поэзии.

В жизни Паустовский и Бунин встретились всего два раза. Диалога между ними не состоялось, поэтому не могло быть и упоминаний о посланных стихах и ответном отзыве. Первая встреча произошла вскоре после отправления Бунину упомянутого письма, о ней Паустовский сообщил в письме к жене от 16 февраля 1917 года:

«Вы сидите и коснеете в Ефремове, и мне вас жаль. Вчера я был на лекции о русском писателе, — Анна Ахматова прострелила меня своими египетскими глазами. Сиял лысиной и золотом зубов Серафимович с ужасающим, корявым лицом Квазимодо и хмельными глазами, по-английски строг, изыскан и стар был Бунин с глухим голосом и лёгким хохлацким акцентом.

...Для меня были только двое — Бунин и Шмелёв. Бунин, спокойный, тонкий, задушевный, — чеканил свои стихи и волновал. У него редкие тонкие руки».

Вторая встреча произошла в Одессе в 1919 году, если полагаться на то, что описанный в «Повести о жизни» эпизод имеет автобиографическую точность, а не является плодом воображения писателя. Паустовский сотрудничал с одной из газет, и «однажды в редакцию пришёл Бунин». Паустовский «не решился даже слова вымолвить при нём и только изредка взглядывал на него, боясь встретиться с ним глазами».

Спустя годы, в 1947 году, на адрес журнала «Вокруг света» пришло письмо от писателя-эмигранта из Франции. Это был отзыв на опубликованный там ранее рассказ К. Г. Паустовского «Корчма на Брагинке». Послание было обращено к Паустовскому, но поскольку его адреса Бунин не знал, то написал прямо в редакцию. Текст открытки был следующий:

«Дорогой брат! Я прочёл Ваш рассказ “Корчма на Брагинке” и хочу Вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа (“Под занавес”), он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы.

Привет, всего доброго! Иван Бунин».

Так, через тридцать лет после первого напутственного слова, сказанного тогда неизвестному молодому стихотворцу, теперь Бунин признал в нём, уже зрелом прозаике, «брата», то есть равного себе. И это подчёркивает тот лёгкий и доброжелательный тон, в котором написана открытка, тон, в котором говорит и прощается Бунин. (Открытка хранится у наследника К. Г. Паустовского П. С. Навашина).

Рассказ, отмеченный Иваном Буниным, вошёл в «Повесть о жизни» — главное произведение Паустовского. Это пример прозы, написанной с той силой и строгостью, что сильнее всего ценил Паустовский в литературе будучи уже состоявшимся писателем.

И. А. Бунину у К. Г. Паустовского посвящено много строк. Он цитировал любимого писателя в письмах к друзьям, в «Дыме отечества», «Живом и мёртвом слове», «Амфоре» и чаще всего в «Повести о жизни»; в «Золотой розе» Бунину посвящена целая глава.

Имя Ивана Алексеевича Бунина было возвращено русской литературе после Второго Всесоюзного съезда советских писателей в 1954 году. Было подготовлено собрание его сочинений, вступительную статью к которому написал К. Г. Паустовский. В 1960 году в Государственном литературном музее состоялся памятный вечер, посвящённый Бунину, где Константин Георгиевич держал слово о писателе, так значительно повлиявшем на его

собственную судьбу. Портрет Бунина много лет занимал своё место над письменным столом Паустовского в его кабинете.

Ещё в пятидесятые годы в письмах к Лидии Делекторской во Францию Паустовский сообщал о своём желании побывать в Грассе, где подолгу жил Бунин, и на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже, где он был похоронен в числе многих русских эмигрантов. В 1962 году Паустовский осуществил желаемое, поклонился могиле Бунина.

Если взглянуть на творчество Бунина и Паустовского, то можно найти немало общего. Итоговой книгой того и другого стали повести, в значительной степени автобиографичные, где талант писателей нашёл наивысшее выражение. У Бунина это «Жизнь Арсеньева», у Паустовского — «Повесть о жизни». О «Жизни Арсеньева» Паустовский писал:

«Это не автобиография. Это — слиток из многих земных горестей, очарований, размышлений и радостей. Это — удивительный свод событий одной человеческой жизни, скитаний, стран, городов, морей, но среди этого многообразия земли на первом месте всегда наша Средняя Россия».

Те же слова было бы справедливо сказать о произведении самого Паустовского — «Повести о жизни».

Ещё одна грань художественного творчества, которая объединяет писателей, — это новеллистика. Как известно, Бунина уже современники считали непревзойдённым новеллистом. Паустовский в свою очередь добился в этом жанре высокого мастерства. Такие произведения, как «Снег», «Дождливый рассвет», «Телеграмма», — стали неповторимыми образцами русской новеллы.

И в заключение стоит отметить, что на примере Константина Георгиевича Паустовского и Ивана Алексеевича Бунина мы в который раз можем наблюдать особую мудрость преемственности в русской литературе. Паустовский и Бунин — писатели разных поколений. Бунина, большую часть своей жизни прожившего в XX веке, всё же хочется отнести к классической школе века XIX-го, он выступает как наследник литературной традиции. Паустовский, пройдя через увлечение литературными веяниями, которые принесло XX столетие, — романтизмом в концентрированном его виде и экзотикой во всей пестроте её образов и форм, — преодолел их в своём творчестве, оставив всё лучшее, что способны дать они, в языке. Писатель пришёл к такой же кристально чистой, лирично-музыкальной прозе, которая отличала Ивана Бунина от многих собратьев по перу. И здесь нельзя не вспомнить о той высокой цене простоты в прозе, о которой говорил ещё Гоголь.

Эти вопросы языка и стиля составляют задачи литературоведения. Для нас же важно было раскрыть те грани творчества и судьбы К. Г. Паустовского и И. А. Бунина, которые сошлись в одной плоскости и оставили русской культуре бесценное литературное наследие.